

Интент-анализ русского и американского психотерапевтического дискурса

Постановка проблемы

Обращение к ранним истокам отечественной психологической помощи, воплощенным в отечественной теологической традиции показывает: в качестве психотехнического предмета русских традиций вспомоществования выступают этические переживания, возникающие во взаимоотношениях с ближними [13].

Современные исследования анализа обращений за психологической помощью также свидетельствуют о том, что в содержании жалоб пациентов преобладает спектр психологических переживаний, вызванных травмой межличностных отношений (обида, унижение, беспомощность, ощущение тупика, душевная боль) [5, с. 369].

В западных традициях спектр проблематики, относящейся к психотерапии в целом, как и к психологической помощи в частности, трактуется изначально и до сих пор в гораздо более обширном объеме и контексте. Возможно, принципиальное отличие в трактовке объема и содержания психотерапии в целом применительно к русской культуре и многообразным западным и вестернизированным подходам связано именно с тем обстоятельством, что в Русском мире благодать со времен

киевского митрополита Иллариона (1051 г.) трактуется выше закона, т.к. «иудеи тенью и Законом оправдывались, но не спасались, христиане же Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются» [16]. Иными словам, не рационально–умственный, а этический компонент вот уже более тысячи лет лежит в основаниях русской культуры и ментальности. Одним из следствий данного вектора духовного существования русской культуры выступает то обстоятельство, что сострадание, сопереживание настолько органично вплетены в ее ткань — как в возвышенных формах проявления (религия, философия, искусство), так и на уровне житейского сознания, что русский человек склонен даже к психологу обращаться не столько за сочувствием и состраданием (он имеет возможность удовлетворить подобную нужду и в повседневном общении), сколько именно за помощью в деле избавления от страданий. Фактически, за исцелением и излечением.

Недопонимание этой кардинальной социокультурной переменной, точнее, детерминанты русской культуры носителями этой самой культуры и, наоборот, настойчивые попытки подорвать эту системообразующую константу русской ментальности именно логико–мыслительными идеологическими построениями (яркие примеры — марксизм и фрейдизм, бихевиоризм, так наз. «гуманистическая психология», а по существу — секуляризированная идеология протестантизма и т.п. течения) приводят не просто к недоразумениям, относящимся к кросс–культурной специфике психологической

теории и психотерапевтической практики, но к профанации самой психотерапии как важнейшего социального института (расстановки по Хеллингеру, так наз. холотропное дыхание, родология и т.д.). Речь, таким образом, идет о прояснении истинного соотношения универсального и локального в содержании и объеме понятия, отражающего предмет психотерапевтической деятельности, о социо- и психотехнической специфике работы с переживаниями, обусловленными этической переменной, в отличие от рационально-умственных построений. Наконец, о степени применимости инокультурных психотехник в работе с переживаниями русского пациента (страждущего) в отличие от вестернизированного клиента (юзера).

С учетом вышеизложенного, цель нашего исследования заключается в попытке реконструировать психотехнические принципы работы с этическими переживаниями в русле отечественных и зарубежных психотехник методом интен-анализа.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования выступают стенограммы психотерапевтических сессий русских психотерапевтов А.Ф. Бондаренко (этический персонализм), А.Ф. Ермошина (психокатализ) и американского психотерапевта Джеймса Бюдженталя (James F.T. Bugental), представляющего экзистенциально-гуманистический подход в психотерапии.

Реконструкция психотехнических принципов осуществлялась с помощью методики интент-анализа психотерапевтического дискурса Е.И. Кирилловой [12] в соответствии с такими этапами:

1. Выделение интенционального содержания речи психотерапевтов А.Ф. Бондаренко, А.Ф. Ермошина, Дж. Бьюдженталя (James F.T. Bugental) на основе стенограмм их психотерапевтических сессий.

2. Экспертная оценка интенций.

3. Построение классификации выделенных интенций.

4. Выделение объектов направленности интенций.

5. Реконструкция ключевых психотехнических принципов работы с этическими переживаниями в русле отечественных методов (этический персонализм, психокатализ) и зарубежных (экзистенциально-гуманистический подход).

Результаты исследования

1. На первом этапе исследования, применив методику интент-анализа психотерапевтического дискурса Е.И. Кирилловой к стенограммам психотерапевтических сессий А.Ф. Бондаренко, А.Ф. Ермошина, Дж. Бьюдженталя (James F.T. Bugental) (всего 1600 высказываний), в каждом из подходов были выделены речевые интенции психотерапевтической речи, которые мы представили в виде словаря речевых интенций.

Словарь речевых интенций в этическом персонализме А.Ф. Бондаренко:

1) акцентирование; 2) анализ этической

системы; 3) благословение; 4) возвышение; 5) выход за пределы наличной ситуации пациента; 6) выявление ошибочных действий; 7) доверие; 8) идентификация референтной фигуры; 9) конкретизация жалобы; 10) метафоризация; 11) нравственная оценка действия; 12) обобщение; 13) организация терапии; 14) ориентировка в страдании; 15) персонализация; 16) поддержка; 17) постижение; 18) предоставление информации; 19) преодоление психологической защиты; 20) принятие; 21) проработка жизненных стратегий; 22) прояснение; 23) снятие напряжения; 24) сокровенность личного; 25) сопереживание; 26) сопричастность; 27) установление контакта; 28) уточнение; 29) этико-философское осмысление; 30) этическая оценка ситуации.

Словарь речевых интенций в психокатализе А. Ф. Ермошина: 1) проверка результатов; 2) выработка нового стиля поведения в проблемной ситуации; 3) выявление энергетической конституции; 4) детравматизация; 5) динамизация комплекса; 6) индуцирование успокоения; 7) запуск саморегуляции организма; 8) катализирующее влияние; 9) концентрация внимания на ощущении; 10) моделирование нового поведения; 11) нахождение нереализованных переживаний по их

«массе»; 12) оптимизация распределения внимания по сферам жизни; 13) осознание ощущаемого в образах; 14) оценка влияния найденной структуры; 15) преодоление алекситимичности; 16) расформирование хронических эмоциональных напряжений; 17) сопровождение знаний в телесность; 18) упорядочивание; 19) усиление резистентности по отношению к факторам риска; 20) утилизация негативного опыта жизни; 21) уточнение; 22) формирование новых психо-энергетических контуров.

Словарь речевых интенций в экзистенциально-гуманистическом подходе (James F.T. Bugental): 1) актуализация присутствия; 2) восстановление внутреннего чувства жизни; 3) инструктирование; 4) интерпретация; 5) конфронтация; 6) мобилизация обязательств клиента; 7) облегчение доступа к внутренним переживаниям; 8) обучение; 9) одобрение; 10) определение уровня внутреннего осознания; 11) освобождение; 12) передача ответственности; 13) поддержание контакта; 14) подведение итогов; 15) подтверждение осознания; 16) поощрение; 17) помощь в самораскрытии; 18) понимание; 19) предоставление информации; 20) проникновение в

субъективное; 21) прояснение скрытого смысла; 22) разубеждение; 23) руководство; 24) содействие внутреннему поиску; 25) снижение сопротивления; 26) структурирование; 27) требование; 28)) установление терапевтических отношений; 29) удерживание непрерывности; 30) фокусировка на чувствах и переживаниях; 31) эмпатия.

2. Классификация интенций

С целью структурирования интенциональных характеристик речи, основываясь на базовых положениях исследуемых нами психотерапевтических подходов, выделенные интенции мы условно разделили на категории.

В психокатализе классификация интенций состоит из трех категорий: 1) уточняющие, выраженные на уровне основных двух вопросов «Что?» и «Где?»; 2) оценочные, помогающие пациенту субъективно оценить исходное образование; 3) терапевтические, облегчающие пациенту решить судьбу соматоструктуры: сохранить или успокоиться и очистить организм от остатков переживания, деструктивно влияющего на его состояние.

В этическом персонализме классификация состоит из шести категорий: 1) инструментальные интенции, согласно методологии психотехнической теории, отображающие операционально–технические моменты работы с этическими переживаниями; 2) уточняющие, включающие интенции

«ориентировка в страдании» и «анализ этической системы», отображающие важные моменты работы психотерапевта. Во-первых, это адекватная ориентировка в реальности, с которой он соприкасается, сталкиваясь с человеческим страданием, и порождающая важные профессиональные вопросы, один из которых звучит так: относится ли заявленная проблематика к переживаниям, связанным с травмой отношений? В иных случаях (мозговая, соматическая проблематика, проблемы патологии характера или нарушения в разных составляющих нервной системы) не относятся к предмету деятельности чистой психологической помощи. Во-вторых, это выяснение основного движущего этического механизма поведения пациента, и, исходя из этого — дальнейшее построение работы по преодолению страдания. 3) ценностно-смысловые, отображающие работу с ценностно-смысловой структурой личности; 4) поясняющие, отображающие умения психотерапевта ориентироваться в этических аспектах бытия, знание социокультурной и, стоящей за ней религиозной системы, с которой идентифицирует себя пациент; 5) событийные, отображающие вербализацию переживания-отношения психотерапевта к пациенту; 6) совладающие, указывающие на особую задачу психотерапевта, связанную с актуализацией ресурсов пациента, нахождение изначальной ошибки в его прежнем поведении и приобщение к иному (более конструктивному) способу проживания жизни.

Что касается американского специалиста, то интенции, выявленные в психотерапевтическом дискурсе Дж. Бьюдженталя, мы условно разделили на такие категории:

- 1) уточняющие, основная цель которых — определить степень уровня связи клиента с его субъективным (выявления уровня присутствия, внутреннего осознания, внутренней ориентации);
- 2) диалогические, направленные на установление терапевтических отношений, поддержание непрерывности контакта;
- 3) терапевтические, направленные, в первую очередь, на восстановление клиентом связи с субъективным.

3. Объекты интенций

Если учесть, что «Я» является основанием и предпосылкой всякой проблемы (Э. Гуссерль) [9], то выделение объектов направленности интенций согласно уровням функционирования «Я» наиболее полно соответствует задаче данного этапа исследования. Методологическим основанием для реализации задач этого этапа исследования послужила схема уровней функционирования «Я», разработанная А.Ф. Бондаренко, 2007 [3].

Объектами интенций психотерапевта, работающего в русле этического персонализма, выступают:

- 1) физическое «Я» пациента, предполагающее работу с такими единицами: психофизиологическое состояние, переживание — состояние, ощущение. Например: Скажите, пожалуйста, а как Ваш организм на нее реагирует? Именно организм;
- 2) социальное «Я», включающее идеологию пациента

(его «картину мира»), состоящую из идеологем («Я-образов»), социальных установок и пр. Например: «Вы учитесь или работаете?», «Работаете. Что же Вы делаете?» и пр.;

3) персональное «Я», представленное системой личностных, а также этических смыслов как высших уровней субъектности личности пациента. Например: Для кого ты живешь? Для кого на первом месте? На втором? Можно ли так сказать, что ты живешь для своих будущих детей?

Количественный анализ объектов интенций показал, что обращение к физическому «Я» составляет 30%, к социальному «Я» — 8%, к персональному «Я» — 62% от общего объема всех психотерапевтических интенций.

Объектами интенций психотерапевта, работающего в русле психокатализа, выступает физическое «Я» пациента, а именно: соматизированные эквиваленты психических переживаний человека (в том числе и этических), возникающие при сбоях саморегуляции организма, которые автор метода А.Ф. Ермошин метафорически называет «вещи в теле». В частности, в сфере межличностных отношений этические переживания могут ощущаться в качестве таких образов: «комочек обиды в груди», «шар раздражения в висках», «туман беспокойства во лбу», «кинжал предательства в спине» и др. При этом объектами интенций на уровне физического «Я» выступают: 1) внутрителесные ощущения (90%); 2) ощущения целостного тела; 3) «пейзажные» ощущения.

В качестве объекта интенциональности психотерапевта в экзистенциально–гуманистическом подходе выступает субъективное как основное «место приложения» усилий психотерапевта [7]. Мир субъективного в трактовке Дж. Бьюдженталя представлен важнейшими источниками, ресурсами и ориентирами всех сущностных изменений жизни клиента (надежды, смыслы, ценности, тревоги, боль, разочарования и пр.).

4. Психотехнические принципы

Интенциональный состав речи А.Ф. Ермошина позволил реконструировать такие психотехнические принципы работы с этическими переживаниями, возникающими в ситуациях межличностного взаимодействия: 1. Принцип психокатализа телесных ощущений, в основе которого — представление о сознании — теле, реализуемом как совокупность «психических предметов» — «хороших» (радость, любовь) или «плохих» (обида, разочарование,). 2. Принцип «динамики выражения» (в отличие от динамики подавления, используемой, например, в терапии «кодированием»), в основе которой — движение к реализации однажды выделившегося эмоционального заряда. 3. Принцип «формирования культуры отработки последствий этических переживаний», основанный на отечественных традициях отношения к телесным ощущениям, в частности, учет способности к состраданию и самопожертвованию русского человека, вследствие этого, необходимость формирования культуры «сохранения себя».

4. Принцип взаимодействия, в основе которого — поиск решения проблемы при объединении усилий.

Реконструированные принципы указывают на случаи применения этого метода в работе с этическими переживаниями обиды, вины, разочарования, предательства и пр. — нарушение равновесия ощущений в теле вследствие травматического опыта межличностных отношений.

Интенциональная специфика речи А.Ф. Бондаренко, работающего в русле этического персонализма, показывает, что основными психотехническими принципами работы в контексте этого подхода становятся: 1. Разграничение сфер применения психотерапии и ее границ с соматической медициной и психиатрией. 2. Принцип событийности, выраженный в сопричастности психотерапевта к переживанию и жизненному миру пациента в целом. 3. Принцип личностного начала, воплощенный в апелляции к уникальности, ценности человека, его самостоятельности и свободным усилиям в постижении и конструировании мира. 4. Принцип учета социокультурного контекста психологической помощи, что, в свою очередь, предполагает знание ключевых детерминант поведения, обусловленных определенными социокультурными системами. 5. Принцип этического начала как способ утверждения истинно человеческого в поведении и деятельности.

Круг интенций в высказываниях Дж. Бьюджентала (James F.T. Bugental) указывает: ведущим психотехническим принципом в работе с переживаниями становится принцип субъективного,

воплощающий такие основные методологические основы экзистенциально–гуманистического подхода: признание автономии человека, его ответственности, свободы, права жить более подлинной жизнью, основанного на умении устанавливать контакт со своим внутренним чувством.

Обсуждение результатов

Психотерапия по жизненным показаниям. В полученных данных интент–анализа отечественного и зарубежного психотерапевтического дискурса, в первую очередь, обращает на себя внимание, что общим объектом интенций отечественных психотерапевтов выступает физическое «Я» пациента. При этом в сенсорно–когнитивной психотерапии физическое «Я» — основной объект воздействий психотерапевта, в этическом персонализме — с обращения к этому компоненту начинается психотерапевтический процесс. Это еще раз подтверждает тезис о том, что русские пациенты обращаются к психотерапевту не по прихоти, а по «жизненным показаниям» в ситуации острого страдания. В случаях, когда человек «сгорает» от накопившихся годами неотработанных эмоциональных переживаний, которые превращаются в тяжелые «камни» обид, разочарований, губительно воздействующих на телесном уровне, пациент нуждается в сенсорно–когнитивной психотерапии. В иных случаях, когда вследствие травматических виктимизирующих отношений у человека «болит душа», а «время не лечит» и обычное сострадание уже не помогает, страждущий нуждается в

психотерапии, работающей с межличностной проблематикой, представленной методом этического персонализма.

Интенциональная специфика речи Дж. Бьюдженталя, работающего в русле экзистенциально–гуманистического подхода, демонстрирует совершенно иную исходную ситуацию психологической помощи: американские клиенты желают более полно управлять своей жизнью, избавиться от излишнего самоконтроля, наладить связь с утраченным внутренним чувством, научиться жить более подлинно, полноценно, осознанно, то есть «стать живыми», отсюда и второе название метода «жизнеизменяющая психотерапия», подразумевающей заключение контракта между психотерапевтом и клиентом (отсюда вытекает интенция мобилизации обязательств клиента).

Социокультурные различия. Одна из основных интенций в психотерапевтическом дискурсе Дж. Бьюдженталя — освобождение (от излишнего самоконтроля, долга, влияния других). Отечественный психотерапевтический дискурс А.Ф. Бондаренко свидетельствует об ином взгляде на оказание психологической помощи — ресурсы русского человека коренятся в сверхличных ценностях, воплощенных в образах значимых других. «Для кого ты живешь?», — спрашивает отечественный психотерапевт, и этим, простым (на первый взгляд) вопросом охватывает основную сущность менталитета русского человека, воплощенного в русской философии, литературе, психологии, определяющей человека, по меткому выражению М.М. Бахтина, как «уравнение Я и другого» [1], что,

на наш взгляд, отражает одну из первых заповедей христианского православия, призывающей возлюбить ближнего как самого себя. При чем, явно или неявно, осознанно или неосознанно, но пациент демонстрирует поведение, за которым всегда усматривается социокультурная система, с которой он себя идентифицирует, и которая, в свою очередь, основана на определенной религиозной системе.

Этичность — как способ явления себя миру и психологическая норма человеческой жизни. Учет социокультурной ситуации оказания психологической помощи страждущим в ситуациях виктимизирующих межличностных отношений, указывает на важный момент работы отечественного психотерапевта — сущностное понимание специфики проблематики, с которой он имеет дело. Интенции анализа этической системы, нравственной оценки действия, этико-философского осмысления, этической оценки ситуации, выявленные в психотерапевтическом дискурсе А.Ф. Бондаренко, указывают на содержание проблематики психологической помощи, этической в своем основании. Например, если американский психотерапевт цель своей работы усматривает в освобождении клиента от «тиранического должен» [7], то в отечественном психотерапевтическом дискурсе понятие долга понимается в контексте русской культуры — как высшая, мыслимая, божественная сущность человека [4, с. 340].

В контексте вышесказанного, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на еще один аспект, выявленный нами при

исследовании отечественного философско–теологического дискурса XIX — первой трети XX ст. Основные аксиологические понятия «добро» и «зло» отечественные теологи и философы (П.С. Авсенеv, И.А. Борисов, М.И. Владиславлев, В.И. Несмелов, О.М. Новицкий, И.М. Скворцов, В.А. Снегирев, Антоний Храповицкий, И.А. Чистович, П.Д. Юркевич и др.) однозначно определяют как критерии душевного здоровья или нездоровья личности. Если добро, соответствующее самой природе человека, имеет самобытное достоинство, исцеляет душу, возвращает ей целостность и ценно само по себе, то зло — это ненормальное содержание, беззаконие, грех, ложь, отрицание святости; безнравственность, источник страданий и всего неприятного, вредного, идущего против многозначительного и ценного бытия, синтез грешного, ложного и безобразного; зло вносит дисгармонию и страдание в окружающую среду как предмет ненависти и вражды, разрушительно действующий на душу и воплощающий темную и безотрадную для сердца сторону мира. Поэтому, при разрешении душевных трудностей, связанных с этическими переживаниями, отечественные теологи и философы однозначно призывают к выбору добра как психологической норме человеческой жизни [13]. Сходную точку зрения мы находим в работах представителей французской школы психопатологии (Т. Ribot, В. Morel), а также одного из основателей научной психиатрии — английского врача Джеймса Причарда (James Prichard), который еще в 1834 году определил психическое заболевание как «moral

insanity» [11, с. 329]. Т. Ribot, в частности, отмечал: патология морального чувства сопровождается полным отсутствием или глубоким извращением альтруистических чувств, нечувствительностью к представлению добра или зла, абсолютным эгоизмом, отсутствием сострадания или угрызений после совершения преступления [14]. Киевский психиатр и психолог второй половины XIX — начала XX века И.А. Сикорский прямо указывал: этические переживания являются критерием здравости души [15]. Великий русский физиолог и мыслитель А.А.Ухтомский не просто выдвинул и обосновал идею и явление доминанты, но и выделял доминанту на другое лицо именно как «совестное восприятие истины и жизни» и рассматривал ее как фундамент культуры, как укорененную в многовековом человеческом опыте и наследуемую от поколения к поколению [17]. Подтверждение вышесказанного мы находим в исследованиях Б.С. Братуся, подчеркивающего необходимость соотнесения понятия нормы и нравственного пространства бытия человека [6].

Выводы

1. Объекты интенций психотерапевтического высказываний у русских и американского психотерапевта отличаются. В модальности «этический персонализм» это: физическое «Я» пациента, предполагающее работу с такими единицами — психофизиологическое состояние, переживание — состояние, ощущение; социальное «Я», включающее идеологию пациента (его «картину мира»), состоящую из идеологем («Я–

образов»), социальных установок и пр.; персональное «Я», представленное системой личностных, а также этических смыслов как высших уровней субъектности страждущего. Объектами интенций психотерапевта, работающего в русле психокатализа, выступает физическое «Я» пациента, а именно: соматизированные эквиваленты психических переживаний человека (в том числе и этических). При этом объектами интенций на уровне физического «Я» выступают: а) внутрителесные ощущения (90%); б) ощущения целостного тела; в) «пейзажные» ощущения. В качестве объекта интенциональности психотерапевта в экзистенциально-гуманистическом подходе выступает субъективное Я клиента (надежды, ценности, тревоги, боль, разочарования и пр.).

2. Пожелания у страждущих, которые, так или иначе, также детерминируют социокультурное содержание психотерапевтической работы отличаются в следующих моментах: русские пациенты преимущественно обращаются за помощью вследствие виктимизирующих межличностных отношений, в то время как американский психотерапевт зачастую имеет дело с проблемой личностной несвободы клиента или желанием более полной, полноценной жизни, которая, в свою очередь, трактуется в духе индивидуализированной протестантской этики. Отсюда и иная интенциональность русских и американских психотерапевтов. Если у первых акцент делается на проблеме добра и зла, сосредоточиваясь на этических переживаниях, предполагающих

в том числе нравственную оценку происходящего и нравственное же усилие по преодолению страдания, то у американского специалиста воздейственный радикал приходится на гедонистический посыл достижения личной свободы. В русской же культуре свобода, говоря словами А.А. Ухтомского, дается только там, где есть дары Духа Святого.

3. Таким образом, проведенный интент-анализ отечественного и зарубежного психотерапевтического дискурса, демонстрирует необходимость обращения к отечественным традициям психологической помощи, как в аспекте непосредственной психотерапевтической работы, так и в постановке вопросов, связанных с проблемой диагноза и уточнения психотехнического предмета в работе практикующего психолога-психотерапевта с учетом антропологической выверенности такого явления как человек в русской культуре.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 7-180.

2. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 336 с.

3. Бондаренко А.Ф. Субъектность личности: измерение и предмет отечественной психотерапевтической практики // Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. – Киев: Кафедра, 2012. – С. 102-121.

4. Бондаренко А.Ф., Кондратюк Н.С. Русская традиция в психотерапии: в поисках истоков // Психотерапия. – 2008. – № 6. – С. 7-16.
5. Бондаренко А.Ф., Кучеровская Н.А., Лопушанская Н.К. Анализ обращений за психологической помощью // Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. – Киев: Кафедра, 2012. – С. 357-370.
6. Братусь Б.С. Психологическое и нравственное пространство нормы // Журнал практикующего психолога. – 1997. – № 3. – С. 6-15.
7. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта / пер. с англ. М.Р. Мироновой. – СПб: Питер, 2001. – 304 с.
8. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / пер. с англ. А.Б. Фенько. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 336 с.
9. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. Михайлова. – М.: Академический проект, 2009. – 496 с.
10. Ермошин А.Ф. Вещи в теле: психотерапевтический метод работы с ощущениями. – Рига, 2008. – 300 с.
11. Каннабих Ю.В. История психиатрии. – Изд-во АСТ Харвест, 2002. – 560 с.
12. Кириллова Е.И. Интент-анализ психотерапевтической речи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2010. – 31 с.

13. Королук Т.И. Этические переживания как предмет теоретического анализа в отечественной психологии XIX века // Психолингвистика. – 2012. – Вып. 10. – С. 66-73.

14. Рибо Т. Психология чувств / пер. с франц. – К. – Х.: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1897. – 378 с.

15. Сикорский И.А. Начатки психологии. – К.: тип. Кульженко, 1909. – 138 с.

16. Слово о законе и благодати митрополита Иллариона / пер. А. Белицкой [Электронный ресурс] // Древнерусская литература. – URL: <http://www.old-russian.chat.ru/13ilarion.htm> (дата обращения: 30.05.2013).

17. Хализев В.Е. Интуиция совести (теория доминанты А.А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века [Электронный ресурс] – URL: <http://russian-literature.com/ru/publications/petrozavodsk/ve-halizev-intuiciya-sovesti-teoriya-dominanty-aa-uhtomskogo-v-kontekste-filosofii-i-kulturologii-xx-veka> (дата обращения: 30.05.2013).